

Правда Православия

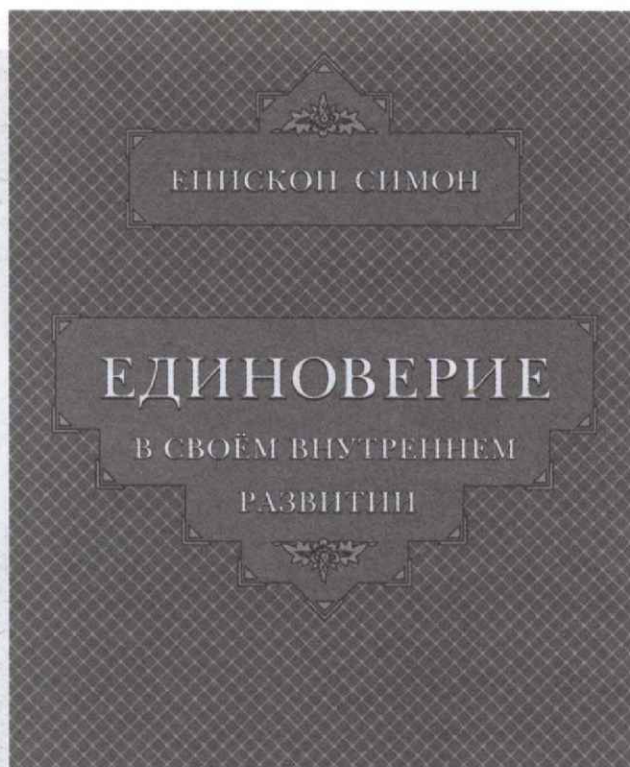
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

1. **Летопись единоверческой жизни** 1
2. **Держитесь Предания.** Православие и Латинство. *(продолжение)* В. Карпец 6
3. **История Единоверия.** Официальное учреждение Единоверия в Москве в 1800 году. Первая единоверческая церковь в Санкт-Петербурге 13
4. **Лица.** Муж государственный и верный *(продолжение)* 17
5. **Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в июле 2004 года** 20

Летопись единоверческой жизни

9 ИЮНЯ 2004 года вышла в свет книга настоятеля Никольской единоверческой церкви города Санкт-Петербурга священника Симеона Шлеева — будущего святого священномученика Симона, единоверческого епископа Охтенского «*Единоверие в своем внутреннем развитии*», впервые опубликованная в 1910 году.

Этот труд и на сегодняшний день является наиболее полным и объективным историческим исследованием того движения старообрядчества, которое при соединении с Русской Православной Церковью в 1800 году получило наименование Единоверия. Редакция «Правды Православия» постоянно использует материалы этой монографии в

Обложка книги первого единоверческого епископа
Симона Охтенского
«Единоверие в своем внутреннем развитии»

публикациях рубрики «История Единоверия».

Сам автор книги, без сомнений, был наиболее значительным деятелем в истории Единоверия, посвятившим всю свою жизнь тому, чтобы до конца раскрыть и воплотить в действительность идеалы православного старообрядчества.

Важность этой работы исходит из ее заглавия. Действительно, в первый раз было описано внутреннее развитие Единоверия и представлено объяснение самого участника этого процесса, почему данное учреждение так и не получило желаемого распространения среди старообрядцев. До отца Симона лишь несколько авторов брались за исследование дан-

ной темы, но ни один из них не осветил объективно этой проблемы во всей ее полноте, отражая точку зрения самих единоверцев.

В этой работе будущий единоверческий епископ раскрывает великую и святую идею Соединения приверженцев двух обрядностей и в связи с этим показывает огромное самостоятельное значение Единоверия как церковного учреждения. В отличие от всех предыдущих исследований, касавшихся, как правило, истории Единоверия только начиная с его формального учреждения и рассматривавших его историю не далее 1900 года, автор обращается ко времени, последовавшему за расколом, и прослеживает идейные течения, предшествовавшие примирению 1800 года, а также описывает события, фактически современные выходу книги. Кроме того, он уделяет особое внимание нуждам Единоверия в различные исторические периоды, подразделяя их по царствованиям Государей.

Последняя, самая длинная глава книги — «Единоверие в наши дни» — почти с летописной подробностью описывает события 1900–1909 годов, самым активным участником которых был сам отец Симеон — будущий первый единоверческий святитель Симон, мученическим подвигом увенчавший свою жизнь 18 августа 1921 года и канонизированный Русской Православной

Церковью на Поместном Соборе в августе 2000 года.

...В день праздника святого славного пророка Или 20 июля (2 августа) 1918 года Владыка Симон, недавно облеченный святительским саном, совершал Божественную Литургию и молебен в Михайловской Слободе по приглашению старейшины Михаило-Архангельского единоверческого общества Павла Стефановича Жагина. За Богослужением святитель рукоположил Симеона Илларионова к Троицкой единоверческой церкви села Загорья Псковской епархии.

Все время своего священнического и святительского служения он был выразителем нужд и чаяний всех единоверцев Руси. Не оставил он нас и после своей мученической кончины, ибо обрел благодать предстательствовать пред Богом за всех обращающихся к нему с молитвенными прошениями. Ныне же, после публикации книги, Владыка Симон вновь обращается к нам, повествуя о многосложном и тернистом пути, пройденном нашими предшественниками, укрепляя нас в твердом исповедании духовных заветов святой старины.

Мы же выражаем слова безграничной благодарности Михаилу Владимировичу Аппалонову и Максиму Владиславовичу Гурбатову, сделавшим возможным выход в свет книги Владыки Симона.

17/30 мая 2004 года.

Всенощное бдение на праздник Святой Троицы в единоверческом храме Архангела Михаила

Глядя на фотографию, на которой изображено недавнее торжество в день праздника Святой Троицы в единоверческом храме Архангела Михаила, перевернем страницы Летописи единоверческой жизни назад и обратимся к событиям столетней давности, прочитав описание того же праздника в храме, где служил единоверческий епископ Симон, тогда еще протоиерей Симеон в 1908 году.

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЕЙ СЯТОЙ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ В НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ Г. ПЕТЕРБУРГА, ЧТО НА НИКОЛАЕВСКОЙ УЛИЦЕ

1 и 2 июня текущего года прихожане Никольской церкви радостно праздновали дни Святой Пятидесятницы. На второй день торжество усугубилось. Кроме престольного праздника Сошествия Святаго Духа, к этому дню было приурочено торжественное открытие при нашей Никольской церкви единоверческого братства.

Чтобы дать краткий обзор отныне исторического дня открытия единоверческого братства, мы постараемся приблизительно в немногих строках описать все по порядку.

Накануне дня Святой Троицы в нашем великопном храме Святителя и Чудотворца Николы было совершено местным причтом во главе с настоятелем храма С. Шлеевым — соборное торжественное всенощное бдение.

Церковь, разукрашенная березками и цветами, веселила взоры молящихся. Почти над каждым образом красовался венок или свежая березка. Чувствовалась чья-то заботливая рука над каждым уголком храма. Вся торжественная бденная служба велась неопустительно по уставу. Стихеры в большинстве исполнялись с канонархом и на крюковом распеве. По первой кафизме читано было Толковое Евангелие, а по шестой песни канона синоксарь праздника. Хвалитные псалмы исполнялись пением с их припевами и прочее. В исходе одиннадцатого часа всенощное бдение закончилось. Прихожане мирно-молитвенно настроенные при тихом, теплом вечере расходились по улицам города.

На следующий день в 8 часов с половиной утра удар в большой колокол возвестил о времени начатия Литургии. К 9 часам церковь была уже переполнена богомольцами. Стройными рядами стояли они, мужчины по правую, а женщины по левую сторонам обширного храма.

Перед каждым прихожанином лежал подручник. Со вниманием — молитвенно, следили они за исполнением дивного богослужения. Священство соборно — во главе с

настоятелем священником С. Шлеевым благоговейно совершало чин Божественной Литургии. Стройно пел местный хор певцов. Херувимскую, Милость мира, По-ем Тя и задостойник Радуйся Царице исполняли по обычаю здешнего храма посредине. По окончании задачи доры вновь раздался благовест к вечерне по уставу службы в день Пятидесятницы.

Сонм духовенства пред Святым Престолом торжественно запел начало вечерни, стихеру Святому Духу: Царю Небесный... Утешителю, Душе истины, — велегласно подхватил хор с середины храма и служба продолжалась. На воззвахах стихеры пелись на крюках и с канонархом.

Но вот пришло время чтения молитв, на этот день положенных. Вышел настоятель и опустившись на колени пред Царскими дверями начал отчетливо во ульшание всем читать первую молитву.

Как шум падающей листвы осенью, преклонились на землю богомольцы. При наступившей тишине раздалась чудные по содержанию молитвы ко Святой Троице. Вслед за настоятелем вторую, третью и четвертую молитвы читали остальные переи. По окончании троичных молитв певцы пропели с канонархом стиховну, затем последовало освящение хлебов и конечное ограждение прихожан Святым Крестом. После службы отец настоятель в кратких словах напомнил богомольцам о значении праздника Святых Пятидесятницы. Он, насколько позволяло время, изобразил перед мысленным взором каждого сознательного христианина цель Сошествия Святаго Духа на учеников Христа.

Служба на день Святаго Духа началась в 4 часа вечера с павечерницы, на которой был прочитан положенный канон Святому Духу. Ровно в 7 часов вечера ударили в большой колокол ко всенощному бдению. Началась утренняя, так как великая вечерня положена уставом после Литургии в день Пятидесятницы.

На многомилостивое вышел весь причт с настоятелем во главе. Служба совершалась во втором ярусе храма, где под колоннадой устроен придел во имя Сошествия Святаго Духа. Тихо несло под круглым куполом пение ирмосов 7-го гласа «В Понте покры» и прочих, на катавасию певцы сходились тесным кругом около Царских врат. По шестой песни канона диаконом прочитан был на этот день синоксарь. Но вот Царские врата снова отворились и тихая песнь, когда-то воспетая при рождении Христа, стройным древним напевом понеслась в высь неба: *Слава в вышних Богу и на земли мир*, пели певцы... За-

ходящее солнце посылало свои прощальные лучи сквозь итальянские окна купола.

И на земле мир!.. Но есть ли он, этот воспетый мир в наше горькое время — ужасного неверия и разложения умов!.. Кончилось Великое Слословие, кончилась и всенощная. Но не хотелось уходить из храма; так здесь было тихо-мирно. Из открытых дверей — доносились гроыхающие звуки шумной улицы. Сердце болело, душа желала чего-то другого... чужды были ей эти звуки городской суеты... утешала мысль, что предстоящее открытие нашего родного по духу единоверческого братства, поможет с помощью Божией встать на путь исполнения христианских заветов, о которых упоминал наш настоятель в краткой речи в конце Литургии.

На другой день 2 июня, в 8 часов утра начался перезвон колоколов к водосвятию. Погода стояла дождливая, хмурая. Несмотря на погоду единоверцы группами со всех концов города, а многие и с дачных мест спешили в свой родной храм излить пред Господом Богом свои молитвы в день престольного праздника и открытия своего кровного братства.

Ровно в половине девятого трезвон с колокольной возвестил прихожанам и духовенству, что изволил прибыть на торжество преосвященный Кирилл, епископ Гдовский. Духовенство во главе со своим настоятелем внизу в притворе храма встретило владыку.

Приложившись ко Святому Кресту и поздоровавшись с причтом, преосвященный при громогласном пении ирмоса «Радуйся Царице» направился по лестнице в верхний храм Сошествия Святого Духа, где и совершил совместно с причтом Божественную Литургию. Невозможно описать словами то религиозно-молитвенное чувство, которое овладело положительно всеми присутствующими в редком церковном торжестве. Истово и благоговейно совершал владыка Кирилл чин Святой Евхаристии.

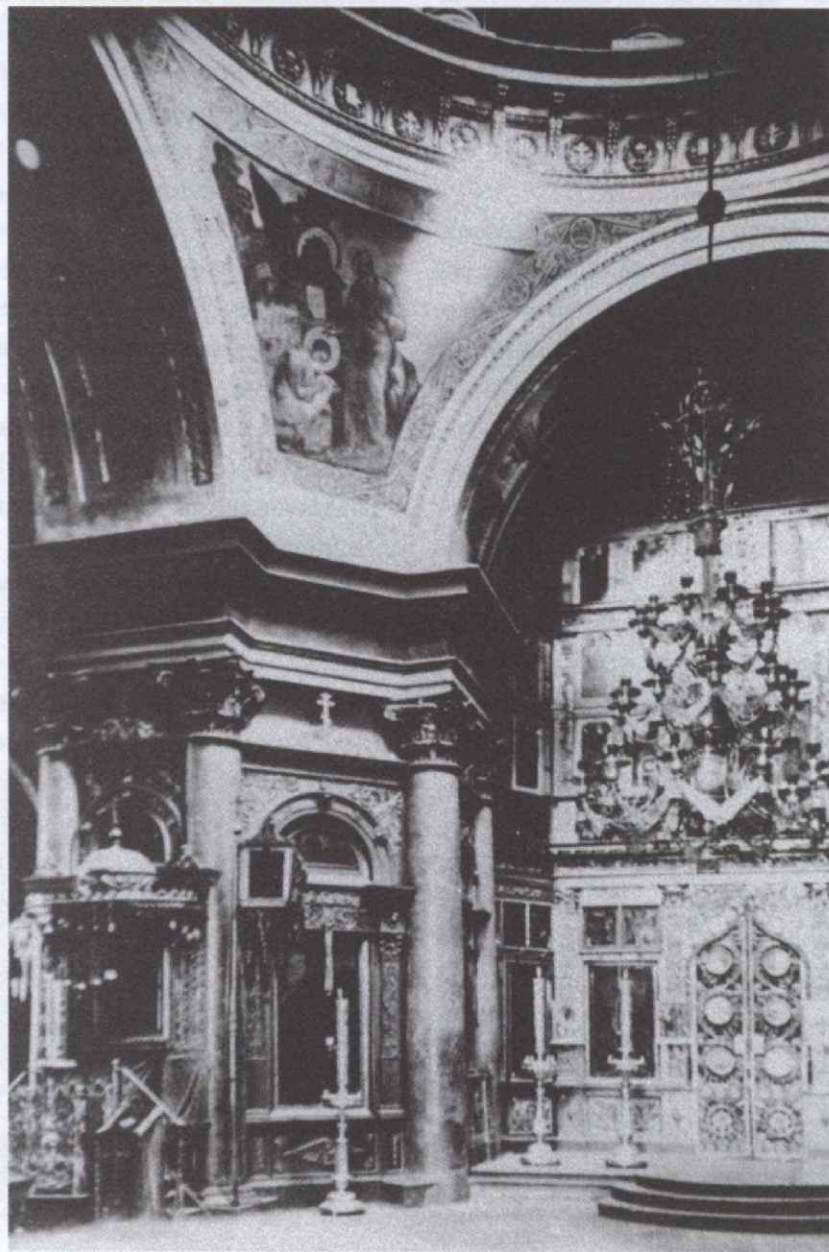
По окончании Литургии начался звон к молебну. Трезвон во вся возвестил, что крестный ход двинулся из храма.

Чудное духовное зрелище представлял этот крестный ход под арками верхней галереи храма. Проходящая по Николаевской улице и прочим смежным с нею улицам публика с удивлением и любопытством взирала от земли на высоту, на необычайное торжество единоверцев.

Крестный ход при громком пении ирмосов троицкого канона и чтении тропарей совместно с преосвященным владыкою Кириллом ос-

танавливался на всех четырех сторонах храма для совершения литии. На восточной стороне было прочтено Евангелие.

Хорошо читал преосвященный, чистый и сильный его голос достигал до низа паперти. В открытые окна окружающих домов виднелись любующиеся на эту

Интерьер Никольского единоверческого храма в Санкт-Петербурге.

Фото начала XX столетия

торжественную процессию петербуржцы. Когда крестный ход возвратился обратно, в церковь последовала сугубая ектения.

Старшим диаконом было провозглашено многолетие: Царствующему Дому, Святейшему Правительствующему Синоду, митрополиту Антонию и служащему епископу Кириллу; дальше учредителям единоверческого братства и всем предстоящим и молящимся.

Громогласное «многая лета» было ответом по приглашению диакона. Народ густой волнообразной лентой направился к Царским вратам, где преосвященный Кирилл ограждал Святым Крестом.

Всех до одного неустанный владыка оградил. Служба закончилась обычным исходным началом. Следующая часть торжества происходила в церковном доме.

В помещении реального единоверческого училища собрались именитые и почетные гости и прихожане церкви. Прибывши в училище, преосвященный Кирилл при пении хором певчих ирмоса «Радуйся Царице» торжественно открыл собрание учредителей единоверческого Никольского братства. Настоятель храма

священник С. Шлеев в пространной речи развернул перед почтенным собранием цель будущей деятельности братства.

По независимым от учредителей братства причинам устав братства был урезан... Предполагалось Всероссийское братство, а разрешение вышло лишь на город Петербург. Затем происходило избрание председателя братства, и членов совета братства и кандидатов к ним. Председателем был избран действительный статский советник А.А. Папков.

Хорошую вступительную речь произнес вновь избранный председатель братства. Он познакомил слушателей с историей братства. В ярких красках изобразил пользу Церкви и обществу от существования их в нашей великой стране России.

Он убеждал будущих единоверческих братчиков тесным христианским кольцом единоплемянников сплотиться и этим дружным единением, стойко держать знамя святых заветов старины. Говорили и многие другие. Торжество закончилось в четвертом часу дня.

С. Григорьев.

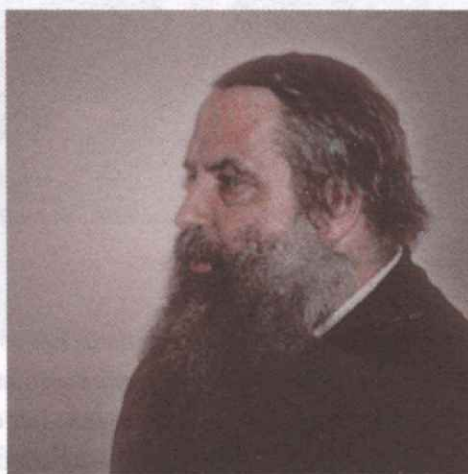
«Правда Православия» № 20–21, 1908

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРУ

15/28 июля нынешнего года — тезоименитство Владимира Игоревича Карпеца, кандидата юридических наук, доцента, члена Союза писателей России, члена Михаило-Архангельского единоверческого общества и постоянного автора публикаций в нашем издании. В этом году Владимиру Игоревичу исполняется 50 лет.

Уроженец Санкт-Петербурга, житель Москвы, он нашел свой духовный дом в Михайловской Слободе, вошел в большую семью единоверческой общины храма Архангела Михаила, чтобы остаться в ней навсегда.

Для него нет ничего маловажного или второстепенного в деле спасения (*со-спасения* как говорили наши далекие предки, то есть совместного спасения). Он активно участвует в приходской жизни: и в архивных поисках, раскрывая на страницах нашего издания неизвестные факты ис-

Владимир Игоревич Карпец

тории Единоверия, Русской и Вселенской Церкви, и в Воскресной школе, передавая свои глубокие знания подрастающему поколению, и в «канавке» с лопатой в руках под палящим солнцем на строительстве очередного жизненно важного для храма объекта.

Переводчик и историк, поэт и учитель, человек редкой сердечной доброты, Владимир Игоревич знаем и уважаем многими людьми.

Пусть же Милосердный Господь наш Иисус Христос дарует ему телесное здоровье, душевное спасение и Свою помощь во всех его трудах и начинаниях и сохранит его на многие лета. Мы же с нетерпением будем ожидать его дальнейших публикаций на страницах нашего издания.

В настоящем номере представлены две статьи Владимира Игоревича «Православие и латинство» и «Муж государственный и верный».

Держитесь Преданна

Православие и латинство

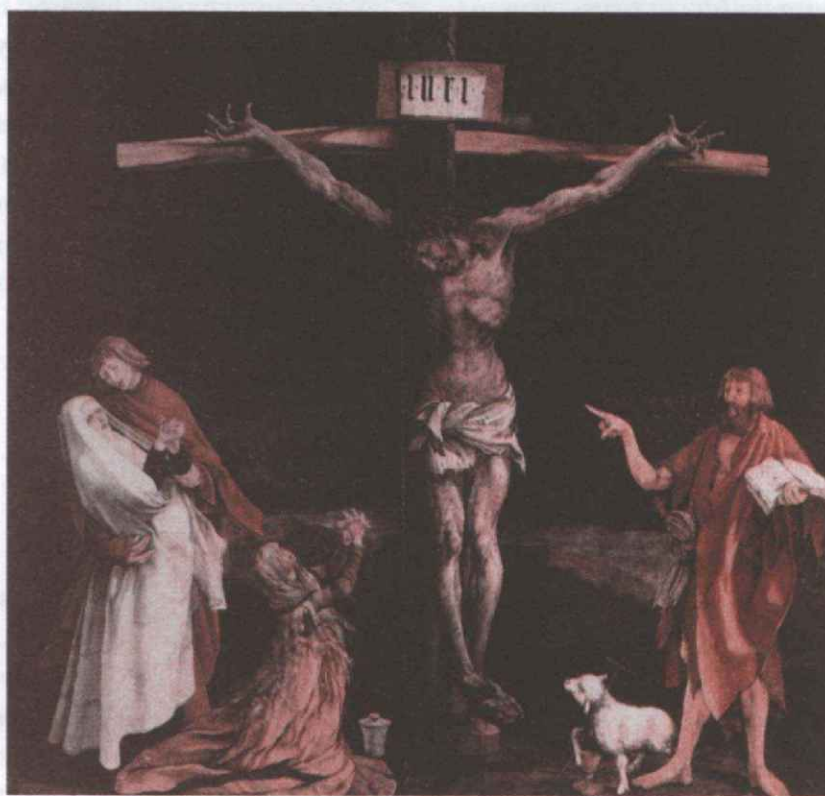
(продолжение)

Н АСТУПЛЕНИЕ латинства на Русскую землю, идущее издревле и до сего дня, вызвано не обстоятельствами изменчивой политической обстановки (хотя и они имели и имеют место), но самими

основами латинского вероучения, согласно которому Римский папа — верховный первосвященник Вселенской Церкви, наместник Христа и наследник апостола Петра, уполномоченный к тому же назначать и смещать правителей государств. Принимая христианство, Русь столкнулась с этой ситуацией сразу же, причем еще до официально принятой даты Владимирова крещения. В Никоновской летописи под 979 годом находим заметку: «Того же лета придоша послы к Ярополку из Рима от папы».

Та же Никоновская летопись, а за ней и Степенная Книга под 988 годом сообщает, будто бы ко святому Владимиру, уже принявшему (или готовящемуся принять) крещение, «придоша послы из Рима и мощи святых принесоша». Кроме того, римо-католическая апологетика настаивает на имевшей место проповеди Адальберта, епископа Пражского, на русской земле.¹ Русские летописи о нем не упоминают. Однако косвенные свидетельства латинской проповеди есть. «Наставление епископе Владимиру», перечислив основные ереси, осужденные семью Вселенскими соборами, в конце предупреждает: «Не приимаи же учение от латин, ихже учение развращено.

Влезше бо в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, поклоняются и, поклонився, напишет крест на земли и целует и, встав, прост станет на нем ногами; да ли целует, а встав, попирает. И сего

М. Грюневальд. Распятие Христа из Изингеймского алтаря

апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крест поставлен целовати и иконы предаша. Лука бо евангелист первое написав, посла в Рим, яко же глаголет Василий, икона на первый образ приходит <...> По седмом же соборе Петр Гугнивый и со иными, шед в Рим, престол восхвалив, развертий веру и отвергся престола иерусалимского, и александрийского, и Царяграда, и антиохийского». И далее «Наставление» особо предупреждает Влади-

мира «их же блюстися учения: прощающе грехи на дару, еже есть злее всего»². «На дару» в данном случае может иметь два смысла: 1) без епитимии, 2) через индульгенции. В любом случае полемика налицо.

В княжеский период Русской истории складывается твердое церковное отношение к латинству, не менявшееся до середины XVII века. Суть его — полное отвержение и каноническое самоограждение от него. «Вера христианская» и «вера латинская» — разные веры. Наставление инока Феодосия в послании к князю Изяславу Мстиславичу (XII в.) так и называется — «О вере христианской и латинской». Вот как следует вести себя в отношении латинства: «Вере же латинской не подобает

прилучатися, ни обычая их держати, и комкания (причащения. — В.К.) их бегати, и всякаго учения их не слушати, и всего их обычая и норова гнушати и блюстись, своих дочерей не даяти за не, ни поимати у них, ни брататися с ними, ни поклонитися, ни целовати его, ни с ним в едином сосуде ясти и пити, ни борошна их приимати; тем же паки у нас просящом, Бога деля-ясти и пити, дати им ясти и пити, но в своих сосудах; аще ли не будет сосуд у них, да в своем дати, и потом измывше, сотворити молитву»³. Но касалось это именно канонического, а не политического, экономического и даже бытового общения — не было, пожалуй, в истории государства более открытого как Западу, так и Востоку, чем Киевско-Новгородская Русь. Более того, латинам разрешалось строить свои «ропаты» (костелы), в частности, в Новгороде — для иноземных «гостей» и постоянно живших в городе ганзейцев. Особое место в городе занимала православная церковь во имя святого апостола Петра латинского обряда — богослужение в ней шло на

латыни с соблюдением всех западных особенностей, но символ веры читали без Filioque, служили на квасном хлебе причащали под двумя видами⁴. Все торговали, а часто вступали и в военные союзы, со всеми; вражда по вероисповедному признаку отсутствовала, но православные блюли свою веру строго, исключая всякое «смешение». Именно так позже стремились (и стремятся) строить свои взаимоотношения с «внешними» старообрядцы, что и позволило, кстати, создать к началу XX века мощную старообрядческую экономику, составлявшую осно-

ву хозяйства России. А экономическое и политическое могущество державы Рюриковичей в тогдашней Европе (в X–XII вв. Русь в целом развивалась в рамках европейской парадигмы) налицо. Русские князья находились в родстве практически со всеми монархами Европы, а дворец Ярослава Мудрого стал местом прибежища многих царственных изгнанников, в том числе норвежского короля Олафа Святого и двух британских принцев⁵. Династические браки в целом не нарушали канонической чистоты — иноземные (в основном скандинавские) невесты русских князей принимали Православие по первому чину, то есть через крещение, а дочь Ярослава Мудрого Анна, выданная за короля Франции, сохранила веру и постоянно держала при себе русского духовника-священноинка. Все это не случайно — европейские монархи не только видели в Рюриковичах едва ли не старейшую в то время династию, но и не без зависти смотрели на них как на свободных, самодержавных⁶ правителей, не зависимых в том числе от внешней церковной власти. В целом можно сказать, что латинство не со-

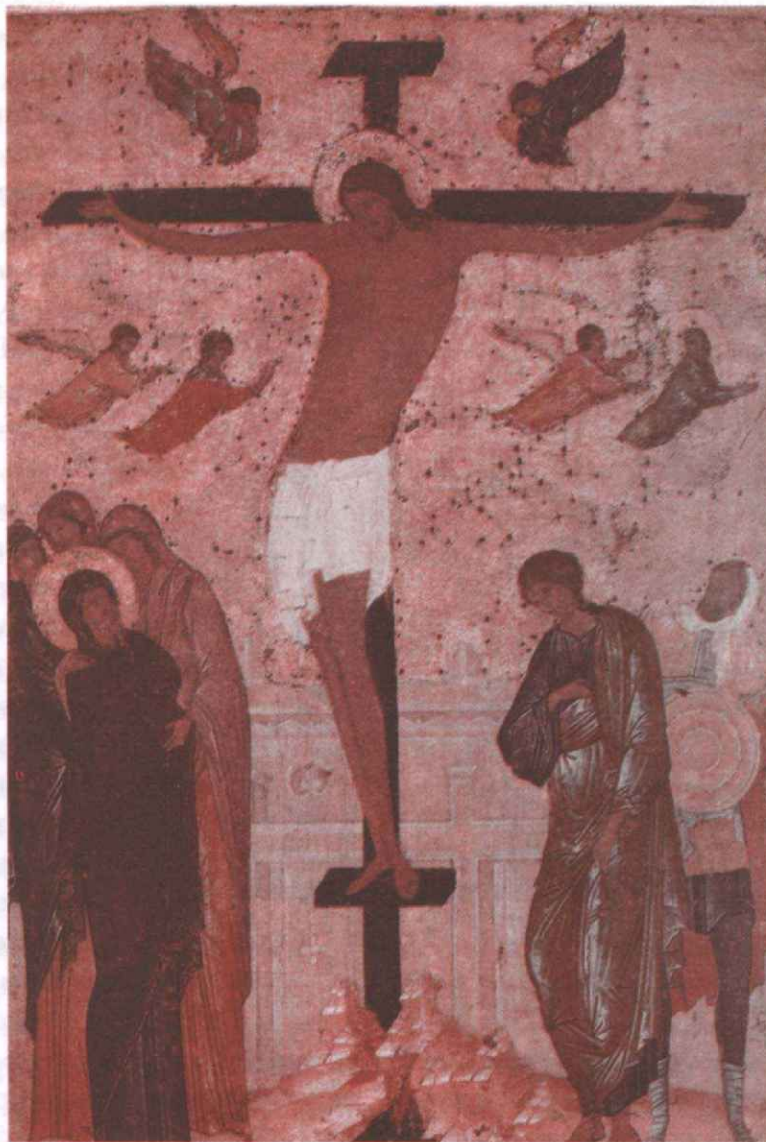
ставляло в те времена для Руси особой проблемы — отсюда и отсутствие накала антилатинской полемики.

Впервые по-настоящему серьезно возникла эта проблема во времена святого благоверного князя Александра Невского (1220–1263). Именно тогда перед Русским государством во всю свою мощь встал вопрос о цивилизационном выборе. Применительно к светскому устройству это прежде всего выбор соотношения власти и собственности — на Востоке первое определяет второе, на Западе — наоборот. Вопрос об этом выборе у нас

составляло в те времена для Руси особой проблемы — отсюда и отсутствие накала антилатинской полемики.

Впервые по-настоящему серьезно возникла эта проблема во времена святого благоверного князя Александра Невского (1220–1263). Именно тогда перед Русским государством во всю свою мощь встал вопрос о цивилизационном выборе. Применительно к светскому устройству это прежде всего выбор соотношения власти и собственности — на Востоке первое определяет второе, на Западе — наоборот. Вопрос об этом выборе у нас

составляло в те времена для Руси особой проблемы — отсюда и отсутствие накала антилатинской полемики.

Распятие Дионисия из Павло-Обнорского монастыря. 1500 год

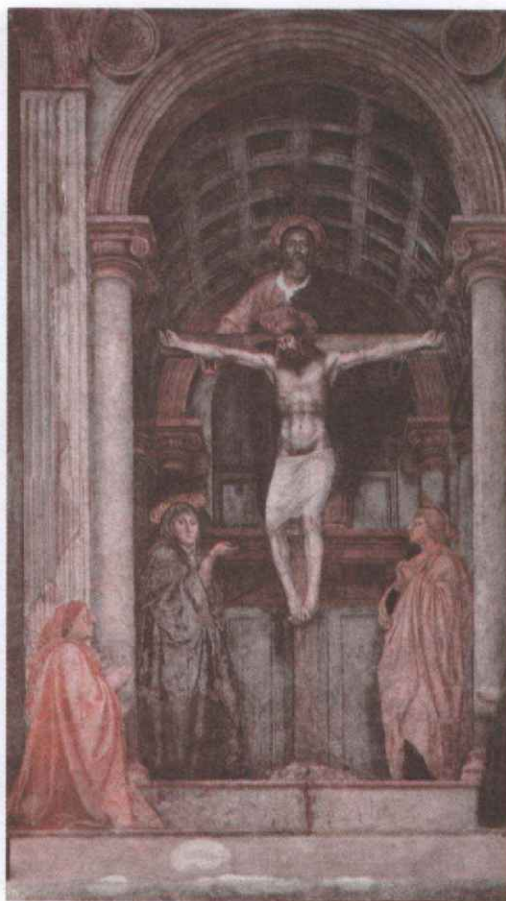
не решен до сих пор. Но Русская земля — в границах будущей Российской империи — составляет некое единое целое: достаточно посмотреть на карту и увидеть особую котловину — чашу, образованную огромной равниной среди гор и морей. Чаша эта (видно это сразу) сотворена Богом как бы для воплощения принципа «один народ, одна власть, один правитель». Поэтому-то и прежде гунны, готы, хазары, позднее монголы стремились овладеть ею всей. К этому же стремились и Рюриковичи, однако, не обладая еще достаточной военной силой и не контролируя южную Великую Степь, они «зависли» где-то в междуречьи Оки и Волги. Династии предстояло сделать выбор — или стать частью Европы, ее восточной «выселкой», или — пусть не сразу — стать хозяевами всей «чаши», освоив искони господствующий в ней образ правления на основе первичности жесткой единой власти. Быть может, князья это не сознавали так ясно, как мы знаем спустя века, — речь шла, конечно, об «инстинкте», о внутренней «тяге» к «городскому укладу» (Европа) или «тяге к простору» (Азия). Вопрос предельно обострился в связи с разорительными набегами монголов, чьи правители — Чингизиды — также стремились к овладению Евразией.

Далеко не все русские князья оказались единодушны в своем выборе. Именно тогда правящее сословие раскалывается на русское «восточничество» (позже «почвенничество», «евразийство» и т.п.) и русское «западничество», породившее с одной стороны т.н. «украинство» и унию на Западе Руси и церковные реформы XVII века в Великороссии. Первое направление представлял святой благоверный князь Александр Невский, второе — князь Даниил Галицкий. Непосредственной причиной такого размежевания стало разорение Руси монгольским ханом Бату в 1240–41 гг. и наложение ордынской дани. С другой стороны, на Западе, в Балтии и Пруссии в это время об-

разуются римо-католические духовно-рыцарские ордена, ставящие задачей латинизацию восточных земель (в это же время рыцарские ордена осуществляют и т.н.

«альбигойские» крестовые походы по латинизации Южной Франции и Пиренеев). Союз с Западом против монголов означал неизбежное (в силу латинской догматики о папе как о главе Вселенной) подчинение Русской Церкви Риму, союз с монголами против Запада не требовал отказа от Православия. В силу своих верований монголы

считали невозможным для себя «ссориться» с «духами места», которым владели. «Русский Бог Иса» и его служители были для них неприкосновенны. Более того, монголы их побаивались. Поэтому союз с монголами, даже ценой унижения, означал лишь внешнее, но никак не духовное, подчинение язычникам-шаманистам. Более того, храмы и монастыри получали тарханы — грамоты об освобождении от дани. Но дело, конечно, не в них. Истинный выбор состоял в следующем: или отказаться от «европейской прародинь», но сохранить Православие, или, наоборот, сохранив принадлежность к Европе, перейти в латинство, став в руках пап «светским мечом», занесенным над многоязыким Востоком, над не освоенным, внутренне тогда еще чуждым тогдашним князьям пространством сибирских равнин⁷. Кроме того, Рим, скорее всего, поступил бы с Рюриковичами так же, как и с их западными сродниками, уничтожив их и заменив на иных, хутородных

Мозаика Троица. Около 1427 года.
Фреска церкви Санта Мариа Новелла, Флоренция

правителей, обязанных папе и курии всем. Несмотря на жесткость зависимости от Орды, она оставляла Руси будущее. Вопрос «Восток или Запад» стал тождествен вопросу «Православие или латинство».

Даниил Галицкий ответил для себя так: Запад против Востока, следовательно — латинство. Первым шагом его стало вступление в связи с папой после смерти Фридриха II Гогенштауфена. На обратном пути из Монголии папский посол Плато Карпини остановился в Галиче, где Даниил и его брат князь Василько Волынский сказали ему, «что им хотелось бы иметь папу единственным их господином и отцом, а римскую церковь их госпожой и повелительницей <... > И после этого они послали с нами к папе свои письма и посланников»⁸. Даниил обещал убедить духовенство в необходимости при-

знания папы главой Церкви, а папа обещал королевскую корону и военную помощь Западу⁹. Одновременно Даниил вступил в переговоры с Владимирским князем Андреем Ярославичем, братом Александра Невского (тоже «западником») о совместном выступлении против монголов, но в 1252 году лишился своего стола. Даниил ждал поддержки из Европы. Папа, как и обещал, прислал ему знаки королевской власти, и Даниил в 1253 году в Дрогичине был коронован королем. Однако военной помощи не последовало. Папе не удалось собрать войска восточно-европейских королей для похода на Русь и Орду¹⁰.

Выбор святого князя Александра Невского был противоположным. Отвержение им даже каких-либо переговоров с папскими легатами стало одной из причин борьбы против него католических рыцарских орденов. Пойдя на союз с монголами и отказавшись от какой-либо помощи Запада, он был первым правителем, опустившим на западных границах «железный занавес»; тем самым святой князь Александр спас и Православие, и свою страну, и свою династию. Став, по сути, частью «монголосферы», Русь оказалась вне европейского мира. С тех пор и вплоть до конца XVIII в. (☞) на европейских картах она обозначалась как «Великая Тартария», точнее, *Tartaria* (Grand Tartarie). Характерно, что и русских, и тюрков Европа, в том числе и славянская, именвала «тартарийцами», т.е. жителями ада. Так формируется идеология «иудео-христианской» цивилизации, насмерть борющейся против православно-христианской (русско-восточной) цивилизации. Для Рюриковичей в этих условиях оставался один путь — постепенно, перенимая ордынский способ управления, вытеснить Чингизидов, а впоследствии заменить их, «перехватив» власть над Евразией. Оказавшись на перепутье, Русь избрала «восточный путь», любое отступление от которого чревато распадом и самоуничтожением.

Впрочем, во времена Даниила Галицкого и святого Александра Невского вопрос о взаимоотношениях с латинством носил скорее политический (точнее, геополитический) характер, нежели догматический. Еще очень крепко было Православие на Руси, и сломать его можно было только военной силой.

Троица Ветхозаветная преподобного Андрея Рублева
1400-е годы

Однако, как писали тогда в летописях, «переменил Бог Орду», и Русское государство постепенно становится полностью самостоятельным. Церковь за это время обретает многих святых, увенчивается лучшим и ярчайшим светилом — Преподобным Сергием Радонежским. Православие и государственность становятся едиными. Новое самоопределение по отношению к латинству становится неизбежным. Это уже XV век. Перестает существовать Византийская империя — оплот всего православного мира, Новый Рим. Что предшествует этому? Ответ прям и весьма, до чрезвычайности прост — соединение (уния) Православия с латинством. Речь идет, разумеется, о Ферраро-Флорентийской унии, наложившей свою печать на всю последующую историю Церкви, Европы и мира.

Римская курия, подчинившая монархов Запада и в то же время не сумевшая до конца справиться с их сопротивлением (Гогенштауфены), никогда не отказывалась от мысли использовать Византийскую (а затем и Российскую) империю в качестве «светского меча». Некоторые Императоры, прежде всего из династии Палеологов, к этому были склонны, а Михаил VII Палеолог (1259–1282) хотя и восстановил Империю после падения государства крестоносцев в Константинополе, даже заключил так называемую Лионскую унию 1274 г. (предварительно отправив в заключение патриарха). После смерти Михаила сын его Андроник II (1283–1328) собрал в 1328 г. в Константинополе собор, и уния была отменена. Однако в это время начинается усиление соседней Османской империи, и Иоанн

VI Палеолог (1425–1448) решился для спасения Империи подчинить Церковь папе и получить за это военную поддержку западных правителей. Ради этого он задумал собрать не более и не менее, как Вселенский собор для «соединения Церквей» (действительно имея на это право). Папа Евгений VII согласился, и они с Иоанном после долгих переговоров решили созвать собор в Ферраре. В конце 1437 года в Феррару отправился Иоанн, патриарх Иосиф (как уполномоченный от всего Востока) и несколько епископов. С ними же был и вновь назначенный Киевский (как и другие русские митрополиты, он сохранил этот титул, но пребывал в Москве) митрополит Исидор, родом грек, воспитанный в Италии. Еще до открытия собора, по прибытии греков, открылись разногласия. Началось с того, что восточные отказались по латинскому обычаю целовать папе туфлю и настаивали на «братском лобзании». К тому же уже на предварительных совещаниях святитель Марк, митрополит Ефесский, представитель Патриархата Иерусалимского, а также митрополит Никейский Виссарион (в дальнейшем уступивший) возражали против всех латинских нововведений и отстаивали Православие. 8 октября 1438 г. Евгений VII открыл собор (хотя, по правилам это должен был сделать Император). Основными спорными вопросами были Filioque, главенство папы и обрядовые различия. На первом этапе все греческие епископы доказывали, что латиняне, введя Filioque, нарушили запрещение III Вселенского собора вносить какие-либо изменения в Символ веры. Однако папа, с согласия Императора стал оказывать на них давление, постепенно ограничивая в содержании. Многие стали мало-помалу уступать. Внезапно в Ферраре разразилась чума, и папа перенес заседания собора во Флоренцию (1439 г.). Латиняне, почувствовав у греков «слабину», стали доказывать уже не только на канонической, но и на догматической основе, что Filioque якобы правильно само по себе. Святитель Марк Ефесский открыто назвал их еретиками. Тайно от других епископов Император со своими приверженцами составили «компромиссный» вариант решения по Символу веры. Греки должны были признать, что Святой Дух исходит от Отца, но «не отвергать», что Он якобы исходит и от Сына. Это было то же самое Filioque, но в «иной обертке».

Однако святитель Марк заявил, что унию он не принимает. Ему кричали: «Найди нам выход, икономию»¹¹, но Марк заявил: «Дела веры не допускают икономии. Это все равно, что сказать: отруби себе голову и иди куда хочешь»¹². Однако, он был уже одинок: Виссарион Никейский «сдался». Исход был предрешен. Греки согласились и

на Filioque, и на главенство папы, сохранив лишь обряд. Впрочем, на своем обряде латиняне и не настаивали — как нам приходилось писать в предшествующих разделах, схоластика к тому времени уже выработала учение об обряде как о чем-то второстепенном, не имеющем отношение к сущности веры. Это положение и является, собственно, одной из основ латинского вероучения.

В таком виде и был составлен спорный орос, провозглашавший соединение Церквей. Его подписали все епископы, за исключением Патриарха Иосифа, неожиданно умершего, и епископа Ефесского Марка. Увидев определение собора без подписи последнего, Евгений VII разочарованно сказал: «Мы ничего не добились!». Необходимого единогласия епископов достигнуто не было.

Тем не менее, папа и Император делали все возможное, чтобы создать видимость успеха. Орос был торжественно прочитан в соборной церкви по-латыни и по-гречески, «западные» и «восточные» облобызались. После торжественных проводов греки поплыли домой. Император отбыл в Константинополь через Венецию. По словам греческого историка Дуки, «едва они сошли с кораблей, их стали спрашивать: «Как дела с собором? Победили ли мы?» Они же отвечали: «Продали мы веру нашу, променяли благочестие на нечестие, изменив Святым дарам, стали азиматами-опресночниками». Так говорил Антоний Ираклийский и все прочие. Народ спрашивал их: «Зачем вы подписали?» — «Из страха перед франками». — «Разве франки бичевали, заключали в тюрьму?» — «Нет, подписала наша правая рука — пусть ее и отрубят. Исповедал язык наш — пусть его вырвут». Настало тягостное молчание, службы не было, несмотря на Великий Пост. Никто не хотел служить с ними, отступниками»¹³.

Народом эта уния принята не была, и этого последнего вместе с отсутствием единогласия епископов достало для того, чтобы собор не только не получил статуса вселенского, но и был причислен к «разбойничьим». В 1443 году Иерусалимский собор трех Восточных Патриархов (Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского) проклял унию и отлучил всех ее приверженцев. Святитель Марк объединяет вокруг себя всех сторонников Православия, прежде всего, подавляющее большинство иноков. По указанию Императора он в течение двух лет (1440–1442) находился в заточении и был освобожден в день памяти Седми Отроков Ефесских.

В то же время ряд приходо-введенных Императора — в них поминают па-

пу. В Греции начинается первая серьезная «книжная справа». Ввозится множество западной богослужебной литературы. В свою очередь и греческие книги переписывают и печатают в Европе. Начинается постепенное внедрение в греческий обряд элементов латинства. Все это поддерживают Император и назначаемые им единолично патриархи.

Турецкое завоевание Константинополя в 1453 году окончательно положило конец унии. Это предчувствовали и, как это ни парадоксально, этого стали желать очень многие. Последний Великий канцлер Византийской империи Лука Нотарь (†1453) незадолго до падения Константинополя говорил: «Я желаю лучше видеть посреди города турецкую чалму, чем папскую тиару»¹⁴. Такие настроения охватили многих. Тем не менее город защищался героически. Личный героизм проявил и Император-униат Константин XI, погибший в бою. Но сроки Второго Рима были отмерены. Во время крестного хода накануне штурма (он начался на Светлой седмице) с носилок упала икона Пресвятой Богородицы, а затем началась гроза, разразилась такой град и ливень, что крестный ход пришлось прекратить¹⁵. В тот же день из храма Святой Софии вышел огонь и взмог на небо¹⁶. Началась осада.

Разорив Константинополь и уничтожив императорскую власть, турки одновременно приняли законы, запрещающие какие-либо сношения греческого духовенства с Европой, и хотя собор Святой Софии был преобразован в мечеть, Патриарх получил ряд привилегий и был назначен «этнархом» греков, через которого турки осуществляли управление территориями бывшей Империи. Интронизация Константинопольского Патриарха Георгия (Геннадия) Схолария (1454–1460) совершалась по традиционному византийскому чину. В роли императора выступал султан Магомет II, дав Патриарху аудиенцию и вручив ему облачение, посох и вновь изготовленный, вместо прежнего, пропавшего, наперсный крест. Султан Магомет (Мехмет) сам выработал правила, по которым греки должны были образовать миллет — самоуправляющуюся общину внутри Османской империи под властью Патриарха. Печально, что «железный занавес» над границами бывшей империи туркам опустить не удалось — в Византию огромным потоком хлынула западная богослужебная литература, а греческие служебники печатались в основном в типографиях Венеции и Кельна. Это

и были те «греческие» книги, по которым позднее осуществлялась русская «справа». Однако о возобновлении унии среди греков более никто не помышлял.

Но вернемся на Русь. Итак, подписавший унию митрополит Исидор возвращается в Москву. Рассказывая о его сборах еще до отбытия, Софийская летопись гласит: «Князь же Велики (Василий Васильевич, прозванный «Темным», поскольку был ослеплен в междоусобной войне. — В.К.) по сих рече ему: то идиши на осмый собор, ему же не достоит быти по правилам святых Отец, да аще возвратишия оттуду к нам, и то принеси нам древлее благочестие, еже приахом от прародителя нашего Владимера, и нова и странна не приношай к нам; понеже аще что принесеши к нам нова, то нам неприятно будет»¹⁷. Исидор делал вид, что будет следовать советам князя, однако сам уже знал для себя совершенно иное. Дело в том, что был он одним из инициаторов созываемого собора, и папа даже предполагал переместить его в Константинополь по смерти Патриарха Иосифа. «Церковность» Исидора вообще ставится под сомнение. В частности, А. В. Карташев в своей книге «Очерки по истории Русской Церкви» писал: «Новое предположение для объяснения личности митрополита Исидора выдвигает наш соотечественник, византинист г. Регель, издавший в 1891 г. (СПб.) в своих *Analecta bysantiono-russica* письма Исидора к итальянскому гуманисту Гуарино Гуарини. Содержание писем, правда, не дает никаких существенных черт для характеристики мировоззрения Исидора, но явствующий из них факт близкого, дружеского знакомства с итальянским гуманистом вызывает г. Регеля на предположение, что и сам Исидор, подобно своим образованным современникам Гемисту Плитону и Виссарииону Никейскому, был гуманист, т. е. человек, настолько отрешившийся от твердой почвы церковности, что для него были совершенно безразличными мелкие вероисповедные различия отдельных церквей. С предположением как будто гармонирует и образ поведения Исидора на соборе. Он — многосведущий философ, на диалектику которого греки возлагали большие надежды, молчит все время, пока продолжаются богословские рассуждения (догматика не трогает его сердца, он к ней индифферентен) и начинает говорить только тогда, когда богословию пришел конец и наступил момент практической сделки...»¹⁸. Перед отправлением в обратный путь Исидор получил от папы сан кардинала-пресвитера и звание «легата от ребра апостольского» (*legatus de latere*) для провинций Литвы, Ливонии, всей России и Польши. До того, как его назначили киевским митрополитом, Исидор, по сути, не знал

Руси. И теперь, возвращаясь с собора в Москву, он не понимал, что едет в столицу совершенно иной, прежде всего, проникнутой серьезным аскетическим духом цивилизации, к тому же прошедшей монгольскую выучку «тяглого государства».

Митрополит Исидор прибыл в Москву 19 марта 1441 года в третье воскресенье Великого Поста. По обряду папского легата он въехал в город с преднесением латинского четвероконечного «крыжа» и проследовал в Успенский собор. На литургии Исидор велел поминать на первом месте — папу Евгения, на втором — Константинопольского Патриарха. Символ веры был прочитан со словами «и Сына», т.е. с Filioque. После литургии митрополит приказал своему протодиакону прочесть соборный акт 5 июля 1439 г. об унии, а затем, как пишет А. В. Карташев, передал Василию Васильевичу приглашение быть усердным помощником в деле ее введения. Карташев указывает, что Великий князь пришел в недоумение и растерялся, и приказал арестовать Исидора только три дня спустя, на четвертый объявив его еретиком¹⁹. Однако помимо точки зрения Карташева бытует и другая. Есть свидетельства того, что Исидор был низложен сразу же. «Царственный летописец» гласит: «Достоит же удивиться разуму и великому смыслу Великаго Князя Василия Васильевича; понеже о сем Исидоре митрополите вси умолчаша князи и бояри и инии мнози, еще же и паче епископы русские вси умолчаша и воздержаша и уснуша; един же сей богомудрый и христоробивый Государь Великий Князь Василий Васильевич позна Исидорову прелесть пагубную, и скоро обличив, посрами его, и в место пастыря и учителя злым и губительным волком назва его. И тако вси епископы рустии, и же быша в то время тогда на Москве, возбудишася, и князи, и бояре, и велможы, и множество христиан тогда воспомянуша и разумеша законы греческия прежа сиа и начаша глаголати Святыми Писании и звати Исидора еретиком. И тако Князь Великий Василий Васильевич возрадовася о согласии епископов своих и князей, и бояр, и всех православных христиан»²⁰.

Есть предание о том, что «опознание волка» произошло во время литургии или сразу после, при чтении Символа веры или же, что вероятнее, «соборного акта». Картина, достойная кисти Сурикова: «Не пастырь, но волк!» — такие слова бросали отступникам в те времена...

Так или иначе, Исидор был взят под стражу и через несколько дней бежал. Говорят, ему не мешали — а что еще было с ним делать? Строгий закон запрещал касаться облеченного саном, будь он стократ нечестив.

Вскоре беглец достиг Польши, а затем и Рима. Став кардиналом, он еще долго служил своим хозяевам, но для истории это значения уже не имеет.

19 мая 1441 года — поистине величайшая дата не только русской, но и всей мировой истории. В этот день всемирное православно-христианское Царство, Roma mobilis, как его называл еще франкский летописец IX в. Апсо, перешло на Северо-Восток. Его взял в свои дряхлеющие руки Великий Слепец.

Вот что говорит о нем «Слово избрано от Святых Писаний, еже на латыню»: «Ныне убо во временах Богпросвещенная земля Русская, святым правлением Божиим Церкви, тебе подобает во Вселенной под солнечным сиянием с народом истинного в вере Православия радоватися, одевая светом благочестия, имея покров Божий на себе многосветную благодать Господню исполнишися цветов богозрачне цветущих — Божиим храмом и збор святого пения величаемых, державою владеющего на тебе, богоизбранного, боговозлюбленного, богопочтенного и богпросвещенного, и богославиമാго богосшественика, правому пути богоустановленнаго закона, и богомудраго изыскателя святых правил, благаго ревнителя о Бозе и споспешника благочестию истинного Православия, высочайшаго исходатая благоверно, богоукрашеннаго и великодержавнаго, благовернаго и благочестиваго, Великаго Князя Василия Васильевича, боговенчаннаго Православнаго Царя всея Русии»²¹.

Есть предание о том, что перед смертью святой Марк Ефесский указывал рукой на Север²².

(продолжение следует)

¹⁹ Впервые рассказ об Адальберте появляется в Хронике Адемара (францисканского монаха XI в.). Достоверно известно, что в 997 г. он отправился в Пруссию и был убит языческим жрецом. Пруссы, по одним данным — потомки уцелевших от резни, устроенной Карлом Великим, саксонцев, бежавших на восток, по другим — те же самые русы. Одно, впрочем, никак не противоречит другому, так как русь — военноплеменное сословие венедов — обитало по всему

северному побережью Европы. По ряду сведений от рода прусского царя-жреца Вейдевута происходил бежавший в XIV в. (опять-таки от преследования католических орденов) Гланда Кобыла (в святом крещении Андрей) — предок дома Романовых, принявший Православие в Великом Новгороде (см. в т.ч. «Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. Костромская губернская ученая архивная комиссия, т. I, Кострома, 1901).

¹ Цит. по Татищев В.Н. Собрание сочинений, т. IV. История Российская, часть вторая. М., «Ладомир», 1995.

Упоминание о «Петре Гутнивом», скорее всего, следует понимать в духе средневековой книжности и символики: одно и то же имя или (что чаще) слово обозначает сущности, по видимости, противоположные (рог, змий, лев и т.д.). «Петр Гутнивый» (т.е. *небогоглагаливый*, как обычно характеризуются апостолы) есть указание на узурпацию Римом имени св. ап. Петра.

² Цит. по Карташев А. В. «Очерки по истории Русской Церкви», т. I, М., «Наука», 1991, с. 264.

³ См. Передольский В. С. «Новгородские древности», Новгород, 1898, с. 122.

⁴ Указ. соч. с. 451.

⁵ *Самодержавие* в исконном смысле этого слова — внешняя независимость, суверенитет; в символике выражалось белым цветом — отсюда «белый царь», то же самое, что и «самодержавный».

⁶ «Сибирь», по тогдашним представлениям, простиралась к востоку от Волги (отсюда название города — Симбирск). Еще Геродот проводил границу Европы и Азии по реке Танаис (Дон).

⁷ См. Грушевский М. История Украины-Руси. Киев-Львов, 1903-31 в 9 тт., т. 3, с. 68-73.

⁸ Это говорит скорее в пользу королей, у которых хватало геополитического чутья и понимания того, что земли к востоку от Кар-

пат относятся к иному, чуждому для них «месторазвитию».

⁹ Иконономия — разрешение на частичное отступление от буквы канона (в противоположность акривии — точному ее соблюдению) ради церковного мира или милосердия к согрешающим.

¹⁰ Цит. по Арх. Амвросий (Погодин). «Святой Марк Ефесский и Флорентийская уния». М., ИПФ «Сирин», 1994, с. 16.

¹¹ Цит. по Арх. Амвросий. Указ. соч., с. 320.

¹² Цит. по Стасюлевич М. М. «Осада и взятие Византии турками». Ученые записки II Отделения Императорской Академии наук. Кн. I, СПб, 1854, с. 80.

¹³ См. Рансимен С. «Падение Константинополя в 1453 году». М., «Наука», С. ш-из.

¹⁴ См. «Памятники литературы Древней Руси» под ред. Акад. Д. С. Лихачева, кн. 5, М., «Наука», с. 243.

¹⁵ Цит. по Малинин В. «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев, 1901, с. 445.

¹⁶ Карташев А. В. Указ. соч., с. 353.

¹⁷ Указ. соч. с. 356.

¹⁸ Цит. по Малинин В. Указ. соч., Приложения, с. 69.

¹⁹ Цит. по Карташев А. В. «Церковь. История. Россия». Статьи и выступления. М., «Пробел», 1996, с. 147.

²⁰ См. Норов А. С. «Путешествие к Семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе». СПб., 1847, с. 286.

История Единоверия

Официальное учреждение Единоверия в Москве в 1800 году.

Первая единоверческая церковь в Санкт-Петербурге

В КОНЦЕ 1790-х годов московские старообрядцы-перемазанцы (противники последователей диконовского согласия, которых представлял в деле соединения с Греко-российской церковью инок Никодим) обратились с ходатайством в Петербург о даровании им особого епископа, который для внутреннего управления старообрядческими делами имел бы свою консисторию, беспрепятственно строил бы церкви и служил бы в них. Этому бы епископу с местопребыванием его в Москве на Рогожском кладбище, по мысли московских старообрядцев, должны были подчиниться все старообрядческие общества России. По сути речь шла об отдельной старообрядческой иерархии.

3 июня 1799 года император Павел I своим Высочайшим указом предоставил право ведать делами московских старообрядцев не епархиальному архиерею митрополиту Платону, о котором у них были неприятные воспоминания, связанные с его противодействием постройке соборного храма на Рогожском кладбище в 1791-92 годах, а Казанскому архиепископу Амвросию и себе. Первому он дал распоряжение поставить для москвичей священников, сам же собирался решить остальные пункты их прошения. Исполняя Высочайший указ, архиепископ Амвросий объявил московским старообрядцам следующие условия: 1) к старообрядцам на первый раз могут быть определяемы даже их прежние беглые священники честного поведения;

2) этим определяемым священникам отправлять службу и требы по старопечатным книгам, принося, где нужно моление о здравии Императорской фамилии; 3) старообрядческому обществу впредь беглых священнослужителей к себе не принимать, а определенных самим собою, без представления архиепископу, не отрешать.

Получив условия архиепископа Амвросия, большинство старообрядцев решили совсем оставить мысль о соединении с Русской Церковью. Они не хотели быть зависимыми от епархиальных архиереев и не желали, чтобы даруемые им пастыри возносили моление за Царя и Синод по изданной Правительствующим Синодом форме.

Видя такую настойчивость старообрядцев, Император 22 августа 1799 года повелел прекратить с ними всякие отношения и лишить прежде данного. После этого большинство московских старообрядцев, как после смерти инока Никодима и большинство стародубцев, стали смотреть на присоединение как на дело погубительное.

И опять, проводя аналогию со Стародубьем, скажем, что оставшемуся меньшинству в деле единения пришлось вытерпеть очень многое. Желая все же иметь в своем обществе священников, это меньшинство старообрядцев города Москвы решило обратиться к церковным властям с другими условиями, более удобными для исполнения. Условия эти были во многом сходными с прежде удовлетворенным прошением нижегородских старообрядцев.

Представленное прошение москвичей из 16 пунктов митрополиту Платону в первый раз рассматривалось в Синоде 28 февраля 1800 года. В это время Святейший Синод было согласился с мнением митрополита Московского о дозволении дать соединенцам в Москве на Рогожском кладбище, согласно их просьбы, церковь и также признал возможным согласиться и на условия предложенного ими соединения. 24 августа того же года просьба московских согласников снова обсуждалась в Святейшем Синоде, который в своем определении повторил раньше высказанное им самим 28 февраля мнение и к нему прибавил еще ссылку на Высочайший указ 12 марта 1798 г., да на том и остановился. Никакого нового и обещанного раньше решительного определения опять не состоялось. Таким образом, дело откладывалось на неопределенное время, осталось бы нерешенным, вероятно, еще бы много месяцев, если бы благоприятному его исходу не помогли сами противники церковного единения. Боль-

шинство несогласных из боязни потерять свое прежнее господствующее положение на Рогожском кладбище, где соединенцы думали освятить церковь, решились на очень смелый шаг. Они обратились к самому Государю с всеподданнейшим прошением, в котором выражали протест против поданного соединенцами ходатайства о даровании им священства, настойчиво утверждая, что большая часть старообрядцев не согласна на освящение выстроенной на Рогожском кладбище часовни в церковь. В кабинете Государя не имелось никаких сведений о поданном через Московского митрополита ходатайстве соединенцев, и ходатайству московских соединенцев грозила здесь серьезная опасность. Государь, получив прошение «несогласных», стал было совсем на их сторону.

Избавителем московских соединенцев, как и стародубских, был Петербургский преосвященный — там Гавриил, а здесь Амвросий. Когда к последнему 21 сентября 1800 года было представлено повеление Государя оставить несогласных в прежнем их положении и не вмешиваться в их обряды, а представление Московского митрополита об освящении их церкви для «согласных» оставить без всякого действия, то Петербургский архиепископ Амвросий очень смело и решительно встал на защиту соединенцев. Двадцать шестого сентября архиепископ Амвросий препроводил Государю состоявшееся определение Синода по поводу Императорского к нему (Синоду) указа от 21 сентября и свое личное решительное мнение.

По наведенной архиепископом справке в Синоде оказалось: *московские старообрядцы 1, 2, 3 гильдии купцы и мещане, со своими семействами составляющие до 250 душ, подали синодальному члену митрополиту Платону прошение за подписью 70 человек, где, выражая свою надежду на «безпримерную щедроты и великия милости Его Императорскаго Величества Благодетельнейшаго Государя Императора Павла Петровича к старообрядцам», просили об открытии на Кладбище святых церквей и о снабжении их правильными священниками, на основании прописанных в том же прошении 16 статей. Московский митрополит, приняв прошение их, предложил его, как дело важное, «прилежному разсуждению консистории, обретающихся в Москве архимандритов и всех сороков благочинных». Вникая сам потом «со всяким тщанием», он нашел некоторые предложения старообрядцев прямо*

благими и достойными для сохранения их в точности, а другие, ввиду сближения и соединения с православною Церковью, дозволимыми, следуя апостольскому примеру: «еже немощным бысть, яко немощен, да немощных приобретет»; прочие же — требующими только «некоторого ограничения» к «предохранению других от соблазна». Итак, положив на каждую статью старообрядческого прошения свое мнение, митрополит представил его на рассмотрение в Синод с тем добавлением, что если просителям будет дана церковь, то чтобы устроить ее, по настоящему прошению старообрядцев, на нынешнем их в Москве кладбище. Мнения митрополита Платона по рассмотрению Синода оказались сходными с его синодальным докладом, по которому 12 марта 1798 г. Высочайше было дозволено нижегородским старообрядцам иметь у себя церковь и особенных священников, рукоположенных от епархиального архиерея для отправления службы Божией по старопечатным книгам. Так как на этом основании Святейшему Синоду было повелено «давать равномерное дозволение и по другим епархиям», то им предполагалось было дать такое дозволение и старообрядцам г. Москвы, именно позволить устроить на просимом месте церковь и дать особенных к ней священников для отправления службы Божией по старопечатным книгам.

Но, во исполнение Высочайшего указа от 21 сентября — наблюдать, как и всегда наблюдалось, чтобы старообрядцы, как при кладбище московском Рогожском, так и в других местах состоящие, оставались в прежнем положении, и в обряды их не вмешиваться, — представление Московского митрополита об устройстве «согласными» церкви на прежнем их кладбище оставлено Синодом без всякого действия.

Поскольку же многие старообрядцы уже имели с дозволения Синода особые церкви и священников для отправления богослужения по старопечатным книгам — в Нижнем Новгороде, Твери, Торжке, Курске и других городах и селениях, даже в самом Петербурге, — а московские старообрядцы со своими семействами до 250 человек просили устроить церковь на таком же положении, то Синод находил «такое их расположение единственным средством к сближению с Церковью и

принятию установленных Спасителем святых Тайн». При этом Синод полагает, что «сим Московским старообрядцам, по примеру прочих, дать дозволение на устройство церкви, кроме Рогожского кладбища, в другом удобном месте, где пожелают». Представляя все это Высочайшей воле, Святейший Синод всеподданнейше испрашивал Высочайшего повеления. Для лучшего же усмотрения прилагались при сем и копии с вышеозначенного поданного от старообрядцев Московскому митрополиту прошения с положенными против одного его мнениями и реестром подписавшихся под прошением.

По этой справке искавшим соединения с Русской Церковью дозволялось устройство церкви в Москве в каком-нибудь другом месте, кроме Рогожского кладбища. В то же самое время по букве исполнялся и Высочайший указ от 21 сентября, предписавший оставить старообрядцев Рогожского кладбища в прежнем положении.

Результат данного доклада Петербургского Преосвященного сказался очень быстро. Шестого октября через архиепископа Амвросия Император Павел потребовал оригинальное прошение старообрядцев, искавших единения с Русской Церковью, за их подписью. Лишь только подлинное дело согласников из Москвы было представлено, на нем тотчас же последовала Высочайшая конфирмация такого рода: «Быть по сему. В Гатчине октября 27 дня 1800 года». В этот же день был дан о сем указ и Синоду: «По прошению, — говорилось в нем, — Московских старообрядцев об устройении в Москве церкви представление Московского митрополита Платона находя сообразным указу нашему в 12 день марта 1798 года, коим дозволили мы по всем епархиям таковое устройство: повелеваем церковь старообрядцам дать и впредь дозволять устройство на подобном основании». Так произошло формальное учреждение Единоверия в Русской Церкви. О пунктах прошения московских старообрядцев, ставших Правилами Единоверия, мы расскажем в следующий раз.

А сейчас хотелось бы познакомить читателей с появлением Единоверия в Санкт-Петербурге, произошедшем, при обстоятельствах подробно описанных в «Историческом очерке Единоверия» М. С-го, изданном в 1867 году.

Первое присоединение из старообрядчества к Единоверию в Санкт-Петербурге произошло при следующих обстоя-

тельствах: моленная поповщинского согласия, устроенная в доме почетного гражданина купца Ивана Ивановича Милова, была освящена в церковь во имя святителя Николы Чудотворца 10 декабря 1799 года по прошению самого купца и ее прихожан. 20 ноября 1800 года Император Павел I сам посетил эту церковь во время служения Божественной Литургии и благодарственного молебна святителю Николу Чудотворцу и в знак своего благоволения пожаловал крест и звонницу. После окончания Богослужения Император удостоил своим посещением хозяина дома, являвшегося одновременно и ктитором храма и беседовал с ним о разных предметах веры и Церкви. Пользуясь случаем, дочь Милова поднесла Императору святую икону собственной работы. Оставляя Милова, Государь повелел ему со всеми прихожанами в следующее воскресенье (25 ноября) быть в придворной церкви для слушания Божественной Литургии. В назначенный день Милов со своим священником, клирошанами и прихожанами отправился ко дворцу — в дворцовую церковь. Началась Литургия, которую совершал тогда царский духовник. Милов и пришедшие с ним, вынужденные, стали творить крестное знамение и поклоны по своему обычаю и только изредка посматривали на молящегося Императора и его окружающих. После окончания Литургии и молебна Государь милостиво обратился к Милову с его прихожанами (их было более 30 человек) и приказал отвести в соседнюю с церковью комнату. Прошло 5–10 минут, и им приказано было идти в государев кабинет, в котором при Императоре был только граф Кутайсов.

После благосклонного приема, Государь спросил Милова и его священника: «Понравилось ли Вам наше служение?» — «Весьма хорошо и благочинно», — отвечали они. «Какую же разность вы находите между вашим старым и нашим новым служением и может ли ваш священник отслужить обедню вместе с нашим духовенством?» Павел Ильич Добрецов отвечал: «Вашему Величеству известно, что мы служим по старопечатным книгам, которые с новопечатными во многих словах и действиях не сходятся, а потому без предварительного взаимного соглашения служить нельзя». — «Я знаю, — сказал Государь, — что есть несходства и разности в словах, например, в старых книгах написано в возгласе: *и во веки векам*, а в новых: *во веки веков*; также *алилуия* в старых по дважды, а в новых по трижды; но эти и подобны им разности не изменяют истинного значения или

смысла речи и не столь важны, чтобы из-за них отделяться от единства Церкви. При том же вы сами знаете, что и в старых книгах разных выходов есть также несходства, и потому-то Церковь собором определила все книги пересмотреть, исправить и ввести во всем единообразии. Для чего же отделяться от нее и на столько толков?» — «Но, Ваше Величество, да позволено будет нам объясниться: если бы несходство состояло только в этом, то не было бы еще причины удаляться от единства Церкви; но есть разности, с которыми старообрядцы не могут согласиться, каковы, например, отмена служения на семи просфорах, четвероконечный крест, сложение перстов при крестном знаменнии, изменение имени Иисус на Иисус и прочее. При всем том мы не столько далеки от единства, как безпоповщина или перекрещиванцы, которые ни священства, ни Евхаристии и вообще никаких таинств не имеют...» «Вот видите, — сказал Государь, — что в вас, отщепенцах, единства нет, а потому я и желаю вас соединить в едину Церковь. А между тем хочу, чтобы в следующее воскресенье вы отслужили Литургию по своим старопечатным книгам с нашим духовенством; а чтобы в служении было согласие, я назначаю вам, которого угодно протодиакона. Возьмите его, согласитесь с ним во всем как следует и приходите ко мне. Согласны ли вы на это?» — Все поклонились и назначили протодиакона Ивана Александрова. Затем Государь обратился с вопросом к священнику: «Кто он, откуда, где обучался и кем поставлен?» Священник отвечал, что он поставлен в Новгороде, был там при архиепископе и имел счастье видеть Государя в церкви во время проезда его на коронацию в Москву. Выслушав священника, Государь сказал ему: «Благослови меня», и приняв по-старообрядчески благословение обратясь ко всем, сказал: «Идите с Богом». Когда Милов стал откланиваться и подошел к руке, Государь подвел его к иконостасу, находящемуся в углу кабинета, и сказал: «Не угодно ли приложиться к святым мощам и иконам?» — и тут же указал на образ, поднесенный ему дочерью Милова. Предстоящие после обычных троекратных поклонов приложились к иконам и, поцеловав руку внимательного к ним Государя, удалились.

Так было положено начало Единоверию в Северной столице. Первая петербургская единоверческая церковь навсегда запечатлела в своем названии имя основателя и до самого закрытия звалась Николо-Миловской.

ЛИЦА

Муж государственный и верный

(продолжение)

ПОСЛЕ доклада, сделанного Тертием Ивановичем Филипповым, сам он тщательно следил за откликами иерархов Церкви как на него, так и на вопросы, поднимавшиеся в единоверческой среде, прежде всего на вопрос о возможности поставления епископов. Собрание отзывов иерархов Православной Церкви на свой доклад и запросы единоверцев, сделанные Филипповым, хранятся в его архиве¹. Приведем кратко некоторые из них. Широта этих мнений поразительна даже для современного взгляда — она простирается от совершенно «старобрядческих» суждений до почти полного отвержения Единоверия и призывов к его подавлению.

Первую крайнюю точку зрения высказал архиепископ Иннокентий Камчатский, утверждавший, что единоверцам следует «дать епископа, даже чтобы он принял исправу и проклял табак». При этом Владыка не уточнял, о какой исправе может идти речь — по второму (через миропомазание) или по третьему (через покаяние) чину. В первом случае взгляд полностью совпадает с белокриницким и беглопоповским, во втором — это повторение первоначальных «пунктов» инока Никодима, от которых тот позднее отказался в пользу полного принятия. Знаменательно, что Иннокентий Камчатский также высказался за полную свободу браков между ново- и старообрядцами и за дозволение венчать такие пары в старообрядческом, новообрядческом или единоверческом храме по их выбору. Вполне логично указывая на дозволение браков с католиками и протестантами, то есть иноверцами, он настаивал на полном Православии старообрядцев, причем любых согласий, включая безпоповцев.

Противоположный взгляд выразил епископ Антоний Вологодский, утверждавший, что Единоверие вообще не имеет отношения к Православной Церкви. По его суждению, это — *вторая Церковь*, существование которой допущено по слабости; единоверцам «и так сделаны уступки». Интересно, что он (единственный из всех), по сути, подтверждая самые пессимистические взгляды старообрядцев и единоверцев, напоминал о «наложении проклятия на двуперстие и другие раскольничьи обычаи» (а не на лиц, не подчинившихся Церкви). Тем самым Антоний открыто поддерживал воззрения, высказанные в *Пращице*, *Розыске* и других наветных книгах, на которые во второй половине XIX века уже не принято было ссылаться. Открыто цитировал *Пращицу* 1752 г., содержащую проклятие попов, служащих на семи просфорах и ходящих посолонь, также архиепископ Платон Рижский. Тот же Антоний также, причем именно в связи с Единоверием, высказался против какого-либо созыва Поместного Собора Российской Православной Церкви, на котором, по его словам, придется «иметь разсуждение с беглыми солдатами в монашеском платье, что унижительно для Церкви»². Враждебную Единоверию точку зрения выразил епископ Подольский Леонтий. Резко высказавшись против предоставления единоверцам епископа, он сослался на известную *Записку* старообрядческого (Белокриницкого согласия) епископа Силуяна о том, что, допустив у себя существование Единоверия, Церковь «впала в противоречие».

Однозначно «за» предоставление Единоверию епископа высказались Парфений Иркутский, Иринарх Рязанский, Филарет Черниговский, Феогност Псковский (с ус-

Т.И. Филиппов в молодости.
Фото из Государственного Архива
Российской Федерации

ловием, что епископы будут викарными). Арсений Киевский был «согласен дать одного или нескольких епископов, лишь бы они (единоверцы. — В.К.) взяли их на свое содержание». Особая точка зрения (с пометкой Тертия Ивановича «глупость») была у Феофилакта Кавказского, предложившего в случае недоверия единоверцев местному архиерею «брать им священство» от другого, по их вкусу. Однозначно «против» (без объяснения) были Евсевий Могилевский, Евсевий Грузинский, Сергей Курский, Евсевий Симбирский, Евсевий Саратовский, Григорий Калужский.

Многие видные иерархи высказали свои особые точки зрения. Митрополит Филарет Московский высказался в том духе, что одного епископа недостаточно. Однако наличие множества епископов, по его мнению, «привело бы к несообщительности Церкви», что может оказаться в противоречии с Символом веры. Развернуто выступил епископ Платон Костромской. Основное его побуждение состояло в укреплении единства Церкви так, как он его понимал. Не выступая в принципе против старого обряда как такового (в отличие от Антония Вологодского и Платона Рижского), он (не без основания) предположил, что «число желающих этого присоединения (общеправославных к Единоверию. — В.К.) так велико, что если б дозволено было безпрепятственно, то многие православные церкви остались бы, может быть, вовсе без прихожан». Появление особых епископов привело бы, по его мнению, как и святителя Филарета, к «раздранию Церкви». Если и учреждать единоверческую иерархию, то следует «снестись с Восточными Патриархами, так как это новое учреждение (точка зрения, близкая Тертию Ивановичу). Владыка Платон к тому же утверждал, что «необходимо уничтожить название «единоверие», но пусть называется единоверческая церковь православною, и ея члены православными». Реально это привело бы к отмене пресловутого 5-го пункта Правил митрополита Платона — любой православный христианин мог бы свободно выбрать для себя старый или новый обряд. Одновременно «необходимо воспрепятствовать единоверцам называть православную Церковь великороссийскою»³. Он видел в таком разделении вред не только с церковной, но и с государственной точки зрения. Видя причины церковных нестроений не столько в расколе XVII века, сколько в абсолютизме Петра Великого, Арсений предлагал «сделать уступку единоверцам — исключить из месячной минеи службы 30 Августа и 27 Июня», составленные по

повелению Петра I, а также молебное пение на Рождество Христово. Нектарий Нижегородский, ничего не сказав о епископах, предлагал «отменить пятый пункт правил Митрополита Платона и допустить совершенное равенство при переходе из православных приходов в единоверческие».

Особняком стояли мнения архиепископов Нафанаила Архангельского и Нила Ярославского. Они были против создания единоверческой иерархии, но за полную свободу обряда. Нафанаил предложил снять клятвы, при этом поставляя священников «по обычному преестеству». Нил Ярославский на тех же условиях стоял за «допущение старых обрядов в православных храмах».

Точки зрения Платона Костромского, Нектария Нижегородского, Нафанаила Архангельского и Нила Ярославского, на первый взгляд, кажутся привлекательными, особенно в условиях повсеместного сочувствия старому обряду и огромного числа «незаписных», о чем нам уже приходилось писать. Судя по всему, эти архиереи в целом положительно относились к старому обряду как таковому. Однако осуществимы такие начертания могли бы быть лишь при полном восстановлении соборности Церкви, роли общин и выборности всего духовенства снизу доверху. Иными словами, следовало возвращаться к Кормчей. Пришлось бы отказаться от всей синодско-консисторской системы, которая насаждала в среде духовенства враждебность к русской церковной старине. Была и чисто бытовая, но, по сути, непреодолимая причина. Назначаемое на приходы священство, соответствующим образом подготовленное в семинариях и к тому же, как правило, многодетное, вряд ли решилось бы переучиваться — освоение одного лишь крюкового пения заняло бы достаточно много времени. К тому же многие привыкли сокращать службы, крестить «абы как», повсеместно приходится читать и о привычке тогдашнего духовенства к табаку. Но самое главное, что правила перехода общин с нового на старый обряд (и, при желании, наоборот) были не прописаны, и вместо желаемых результатов, имели бы действие, скорее, обратное — подавление и упразднение Единоверия как такового, растворение его и тем самым укрепление раскола. Как всегда в России, эти вопросы могла успешно решить лишь Верховная государственная власть, волю которой нельзя было не выполнить. А именно она-то и бездействовала. Наряду с другими многочисленными прошениями на эту тему к Александру II в 1867 году обращается и Тертий Иванович Филиппов со «Всеподданнейшим докладом о необходимости изменения отношения к единоверию»⁴. Ответа не последовало.

Совершенное непонимание правительством собственного народа приводило к тому, что Филиппову приходилось доказывать перед высшим чиновничеством саму древность русского церковного обряда. Высшие лица Синода (¶) вполне всерьез утверждали, что обособление «двуперстников», как и само двуперстие, и все остальные черты древнего чина возникли после централизационных мер Никона и Алексея Михайловича среди «бунтовщиков» против власти. Интересно, что зеркальным отражением этого являлись и мнения, ходившие в среде безпоповских согласий крайнего толка о том, что будто бы «попов придумали никониане». Одни в этом смысле стояли других.

В своем дневнике Третий Иванович записывает: «Но если в исторических документах мы встречаем таких лиц (т.е. на другой год по издании клятв), уже в 1668 году (попов Тихвинского посада), потом в 1682 г. (покорных Церкви двуперстников (выделено нами. — В.К.), сидевших под нижегородскою Ивановской башней), в 1721 и 1722 гг. (православных, двуперстников Антония Златоустовского, которых, как увидим ниже, Св. Синод велел писать в раскол) в 1724 г. (сибирских двуперстников, о коих представлял митрополит Тобольский Антоний), одними словами, если на всем пространстве времени от издания клятв 1667 г. до времени Екатерины мы находим покорных Церкви старообрядцев, от Церкви отгоняемых (выделено нами. — В.К.), а при Екатерине и после целую массу вошед-

ших в общение Церкви⁵, то откуда мы можем явить предположение, что их не было до 13 мая 1667 г. Да эти самые тихвинские попы и их духовные дети, пострадавшие за старую печать просвир, разве они до 13 мая 1667 г. употребляли на просвирах четырехконечный крест и стала печатать восьмиконечный только после издания клятв? Такое предположение было бы очевидной нелепостью»⁶.

Непонимание природы, самой сущности Единоверия со стороны европеизированного петербургского и московского чиновничьего сообщества, которому показывала пример и Верховная власть⁷, соединялась и с особым рвением приходского духовенства, причем в лице далеко не худших его представителей. Работая при Синоде, Филиппов «накопил» множество таких случаев, о которых достаточно скрупулезно записывал. В его родном Ржеве знаменитый протоиерей Матфей Константиновский⁸ решил насильно обратить старообрядческую моленную в единоверческую церковь. Его поддержал губернатор Бакунин⁹. Старообрядцы заперлись в моленной с женщинами и детьми. Бакунин приказал поливать людей водой из труб, однако те и не думали расхотиться. Тогда губернатор вызвал войска¹⁰. Конечно, по сравнению с гонениями при царице Софье или императрице Анне Иоанновне это были «мелочи», но из таких «мелочей» складывались отношения между «православным» населением и «раскольниками» — людьми одной веры и одной крови¹¹.

(продолжение следует)

¹ ГАРФ, фонд 1099 (Т.И.Филиппов), оп. 1. е.х. 708.

² Напомним, что, согласно Кормчей, Поместный Собор созывается ежегодно, а согласно Книге правил XVIII в. — один раз в два года.

³ Что, на наш взгляд, совершенно справедливо. Такое разделение было подобно своеобразной мине долговременного действия: из единоверцев делали потенциальных союзников «демократии либеральной и социальной». К тому же, строго говоря, такое определение следует понимать «с точностью до наоборот»: единоверческий обряд как раз великоросский, а т.н. новый — греко-западнорусский с элементами (особенно в пении и иконописи) латинства.

⁴ ГАРФ, указ. ф., е.х. 717.

⁵ Речь идет о сподвижниках инока Никодима, Таврическом монастыре и проч. — см. предыдущие материалы «Правды Православия».

⁶ ГАРФ, указ. ф., е.х. 84.

⁷ «В этой азиатской стране я единственный европеец», — любил говорить Император Николай I.

⁸ Его принято считать духовником Н.В.Гоголя. Либеральная интеллигенция составила о нем легенду как о некоем «черном человеке» писателя, якобы запретившем ему заниматься литературой (к сожалению,

эту легенду растиражировал умный Д.С.Мережковский, в поздний период жизни пересмотревший «фрондерство» молодости). С другой стороны, эта же легенда имеет обратную сторону — о мудром руководителе совести Николая Васильевича, заставившего его осудить все свое прошлое — от казацких повестей до «Мертвых душ». На самом деле очень много стоит замечание в записях Филиппова о том, что о. Матфей единожды посетил писателя за две недели до его кончины (ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, е.х. 84).

⁹ Брат основоположника русского анархизма. По воспоминаниям М.А.Бакунина, отец, бывший атташе русской миссии во Флоренции, «воспитывал детей скорее в европейском, чем в русском духе», хотя «после восстания декабристов напуганный А.М.Бакунин резко переменял свое отношение к воспитанию детей и стал насаждать вероноподданнический дух» (См. Пустарнаков В.Ф. «М.А.Бакунин». Вступ. ст. к кн. «Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., «Правда», 1989, с. 3).

¹⁰ ГАРФ, указ. оп. е.х.

¹¹ Это как раз показатель «романо-германского пленения» (князь Н.С.Трубецкой), имевшего две личины — «прогрессивного западничества» и «реакционного западничества».

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В ИЮЛЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
2	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
3	суббота	06:30	Божественная Литургия. Святого священномученика Мефодия, епископа Патарского
		15:00	Всенощное бдение
4	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Святого мученика Иулиана тарсянина
5	понедельник	17:00	Вечернее Богослужение
7	вторник	06:30	Божественная Литургия. Сретение чудотворная иконы Пресвятыя Богородицы Владимирския
		15:00	Всенощное бдение
7	среда	06:30	Рождество Честнаго и Славнаго Пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна
8	четверг	17:00	Вечернее Богослужение
9	пятница	06:30	Божественная Литургия. Явление иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Одигитрии Тихвинския
		17:00	Вечернее Богослужение
10	суббота	06:30	Божественная Литургия. Преподобнаго отца нашего Сампсона
		15:00	Всенощное бдение
11	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Св. безсребрен. и чудотвор. Кира и Иоанна
		15:00	Всенощное бдение
12	понедельник	06:30	Божественная Литургия. Святых Славных и Всехвальных Апостол Петра и Павла
16	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
17	суббота	06:30	Божественная Литургия. Преп. Андрея, архиепископа Критскаго
		15:00	Всенощное бдение
18	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Преп. отца нашего Сергия Радонежскаго
20	вторник	17:00	Вечернее Богослужение
21	среда	06:30	Божественная Литургия. Явление иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы во граде Казани
23	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
24	суббота	06:30	Божественная Литургия. Блаженные великия княгини Ольги
		15:00	Всенощное бдение
25	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Святых мученик Прокла и Лария
30	пятница	17:00	Вечернее Богослужение
31	суббота	06:30	Божественная Литургия. Святого мученика Емелиана
		15:00	Всенощное бдение

В расписании возможны изменения.

Кроме дней, указанных в расписании, в единоверческом храме Архангела Михаила ежедневно совершается полунощница в 6:30, а также вечера и павечерница в 17:00.

Издание Михаило Архангельской Единоверческой общины

Главный редактор: св. игумен Иринарх
 Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Заведующий производством: И.В. Краев
 Корректоры: М.Н. Душин, А.И. Титова

Телефон редакции: (095) 510-51-21
 (2004 год, выпуск 7)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низжайше просим Вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.